

Вячеслав Сукачев

Крис и Карма. Книга вторая

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
С89

Сукачев В.

Крис и Карма. Книга вторая / Сукачев В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 269 с.

ISBN 978-5-532-98423-3

Роман В. Сукачева можно смело отнести к списку таких произведений, как "Мастер и Маргарита" М. Булгакова или "Альтист Данилов" В. Орлова. Жанр мистического реализма - один из наиболее сложных и загадочных. В этом жанре вымысел не является центром основного содержания, но он всегда влияет на его развитие... Один из героев романа покупает в Таиланде кинжал - крис. Вскоре он узнает о смертельной опасности, исходящей от криса и пытается избавиться от него. Но клинок вновь и вновь возвращается к нему... И всегда рядом с крисом оказывается загадочная женщина Карма, влияющая на события и судьбы героев романа. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
1	5
2	13
3	21
4	27
Глава вторая	35
1	35
2	44
3	51
4	60
Глава третья	68
1	68
2	76
3	82
4	89
Глава четвертая	97
1	97
2	103
3	111
4	121
Часть вторая	129
Глава первая	129
1	129

2	136
3	142
4	150
Глава вторая	161
1	161
2	171
3	176
4	184
Глава третья	194
1	194
2	203
3	212
4	221
Глава четвертая	230
1	230
2	237
3	247
4	256

Часть первая

Глава первая

1

Падает первый снег. Крупные хлопья плавно кружатся в воздухе, цепляются за ветви тополей, с шорохом скользят по оконному стеклу и оседают на жестяном откосе. Крыши соседних домов, уже покрытые тонким слоем снега, становятся как бы выше и легче – они словно парят над домами в зыбком мерцании падающих снежинок. Большая, черная ворона, чудом примостившись на самой вершине тополя, громко картавя, возмущается на всю округу: «Как! Как это? Как!» Мол, вот только что было лето, вволю всякой поживы шныряло по земле и летало в воздухе, а тут на тебе – валит и валит снег. И как прикажете теперь жить бедной, старой вороне? «Как? Как? Как?» «А вот так, – насмешливо думает Михаил Борисович Бабанович, стоя у окна в своем кабинете. – Дорогу к городской свалке, надеюсь, не забыла? Вот и не каркай, а настраивай лыжи в ту сторону. Хватит, отжировала на птенцах».

Михаил Борисович никак не может забыть летнюю ужасную картинку, случайно подсмотренную им из этого же окна. Из-под старого оконного наличника выбрался едва успевший опуститься воробушек, и воочию увидев удивительный белый свет, буквально ошалев от детского восторга, начал трезвонить на всю округу: «Чик-чилик! Чик-чилик-чик!» Что в переводе с воробьиного языка означает: братцы, а вот и я! И некому было уговорить этого восторженного дурачка – родители, видимо, смыкали по округе в поисках особо калорийной и легко усваиваемой пищи – дождевых червей. А малыш так расчирился, так увлекся знакомством с окружающим миром, что, потеряв равновесие, неожиданно свалился в траву под окном. Конечно же, когда он начал падать, запоздало забил-захлопал

крылышками, но пока еще слабое перо и отсутствие надлежащих силенок не дали ему удержаться в воздухе. Он понял свою роковую оплошность слишком поздно, когда уже забился, отчаянно чирикая, в высокой траве. И тут же, сделав широкий плавный круг, спустилась с тополя большая ворона, накрыла малыша когтистой лапой, зорко осмотрелась, и низко над землей улетела...

Падает снег, такой первозданно чистый, что хочется верить во все лучшее. Ну, например, что все без исключения отечественные олигархи, вскормленные демократическими реформами раннего Ельцина, неожиданно решили: хватит уже воровать из государственного кармана, поскольку наворовано – и детям, и правнукам тратить – не перетратить. И президент, наконец-то проснувшись от летаргического сна, увидев, что олигархи сыты и довольны, дал команду «в разы» увеличить финансирование медицины. И вот это «в разы», не разворованное тоже уже сытыми до отрыжки чиновниками из правительства и Кремля, дошло-таки и до психиатрической клиники №1 города Номска, и у Бабановича отпала надобность принимать под свое попечение Ивановых. А вместе с этим восстановился у него крепкий сон, улучшилось настроение, шире открылись глаза, которыми он начал пользоваться по прямому назначению – спокойно смотреть в глаза людям.

Михаил Борисович тяжело вздыхает и отходит от окна. Фантазии и благие пожелания, увы, жить не помогают. Деньги, увы, нужны не только олигархам и кремлевским чиновникам, деньги нужны всем... Поэтому правительство иногда делится со своими преданными васалами: то на пандемию подкинет десяток-другой миллиардов, то в ЖКХ, то в космическое ведомство, а там еще – Зубковы, Ротенберги, Якунины, Тимченко в очереди стоят. И все президента за полы пиджака дергают: мол, про меня-то не забыл? Мы же с тобой столько лет на татами вместе кувыркались, вербовали, закупали, продавали... Конечно, далеко не все президентами становятся, а вот дармоедами при президенте – все! Разумеется, не за его личный счет...

Далек Бабанович от президента, как Полярная звезда от Кремлевской стены, и потому надеяться на щедрую подачку от государства он не имеет права. А строгая комиссия из краевого министерства здравоохранения, между тем, постановила: срочно отремонтировать второй жилой корпус, находящийся в аварийном состоянии с 1998 года. И таких постановлений у него – три. А Ивановых в этом году побывало в клинике – только два человека. И как прикажете ремонтировать? Из каких внутренних резервов? Урезать и так нищенские зарплаты? Последние специалисты разбегутся. Сократить персонал? Недокомплект по штатному расписанию уже три человека. Видимо, скоро палаты самому убирать придется. Вот и приходится ждать, пока очередные страждущие друзья-соратники президента сыто отвалятся от кремлевского пирога, поглаживая набитое долларами брюхо.

Бабанович садится за рабочий стол и придвигает к себе график дежурств медперсонала в стационарном блоке. Он раздражен до предела: два дежурных врача подали заявления об увольнении, мотивируя это тем, что у них очень маленькая зарплата. Медсестра Оля все еще не вышла из отпуска по уходу за ребенком, а на Ирину Семеновну ему просто стыдно смотреть – под глазами круги, похуда так, что ключицы выпирают, а подменить ее нечем. Тут не только президента, а и господ бога вспомнишь, позабывшего о нездоровых чадах своих.

А за окном продолжает падать первый снег, прикрывая основательно промерзшую, неопрятную землю, тут и там испохабленную бесконечными собачьими «шоколадками», как выражаются законченные французские любители домашних животных. Но они-то свои собачьи «шоколадки» исправно подбирают, а вот наше собачье дерьмо засыплет снегом, потом оно оттаяет, потом скатится в ручьи, в реки и озера... В общем, как любит выражаться сестра-хозяйка психиатрической клиники №1 Нина Ивановна – почувствуйте разницу.

Ирина Семеновна, между тем, не без труда вырвалась в обеденный перерыв из клиники, чтобы закупить продукты для дома. Иначе у нее никак не получается: к восьми часам утра она уже должна отвести Мишутку в садик и к половине девятого успеть на утренний обход. Без пятнадцати минут восемь вечера Мишутку из продленки надо забрать, накормить, спать уложить, прибраться, а там уже глаза сами собой закрываются. И что там, в мире делается, кто и сколько в очередной раз украл, какой президент нынче в Кремле (все они, по твердому убеждению Ирины Семеновны, одним миром мазаны), для нее, как говорится, без разницы. У нее свой Кремль – психушка и свой президент – Бабанович, все остальное для неё – по барабану. У Ирины Семеновны просто времени нет вникать в очередное обращение президента к народу, но интуитивно она знает: как не было ничего хорошего – так и не будет. А слова всякие-разные, красивые обещания и прочую словесную муру Ирина Семеновна уже больше тридцати лет слушает, и если бы родители не прописали ее в свое время к бабушке с бабушкой в двухкомнатную квартиру, куковала бы она сейчас в съемной и перспектив – никаких. Из слов, как известно, даже президентских, шубу не сошьешь...

В последние дни Иванов из первого бокса явно пошел на поправку: глаза у него стали осмысленными и умными, что Ирина Семеновна, в принципе, и предполагала. Нет, не похожбыл этот пациент на обыкновенного забулдыгу, ни с какой стороны – не похож. И не только по рукам, явно не знавшим физического труда и дорогим очкам в импортной оправе об этом можно судить. Не похож он, в первую очередь, по уровню психологической восприимчивости окружающих. Иванов, например, очень быстро понял, как и с кем себя надо вести, и что от него требуется на данном этапе лечения. Несколько дней назад, когда она ставила ему очередную капельницу с физраствором, он неожиданно спросил:

– Вы, извините, кто?

– Я? – в первый момент она даже растерялась. – Я – Ирина Семеновна, старшая медсестра нашей клиники...

– Это я уже понял, – улыбнулся Иванов, наблюдая, как она управляется со штативом и крепит колбу с мутноватым раствором. – Вы – мой ангел-хранитель?

– Почему вы об этом спрашиваете? – удивилась и одновременно слегка встревожилась Ирина Семеновна.

– Честно говоря, Ирина Семеновна, я уже понял, что вы делаете не совсем то, что вам велит Бабанович... Я прав?

Теперь она испугалась по-настоящему и непроизвольно оглянулась на дверь.

– Вы так думаете? – Ирина Семеновна внимательно посмотрела на Иванова, не представляя в данный момент, что ему отвечать, и надо ли отвечать вообще.

– Я не думаю... Я это – знаю, – со вздохом ответил таинственный Иванов.

– И все же?

– Вы научили меня, как надо вести себя с Михаилом Борисовичем... Вы чуть ли не сутками дежурите здесь только для того, чтобы самой делать капельницы и инъекции... Хорошо, что у вас такие руки, Ирина Семеновна... – он неожиданно умолк и отвернулся к стене.

– А что с моими руками? – Ирина Семеновна невольно посмотрела на свои руки с основательно запущенным маникюром и коротко остриженными ногтями.

– Они у вас очень добрые, – спокойно ответил Иванов. – И они – не умеют врать...

– Спасибо, – усмехнулась Ирина Семеновна. – Надеюсь, своими наблюдениями вы не собираетесь с кем-то делиться?

– Боже упаси, Ирина Семеновна! – Иванов сделал протестующий жест рукой. – Не понятно мне пока только одно: все это вы делаете по своей личной инициативе или же за этим кто-то стоит?

Разговор получался чересчур откровенным, а она не хотела, не имела права рисковать хотя бы из-за Мишутки... Да и результатов своих усилий по спасению этого человека было бы очень жаль...

– Что вы такое говорите? – нахмурилась Ирина Семеновна. – Я вас не понимаю... Я просто делаю свою работу и по возможности

– делаю ее честно... А вам, откровенно говоря, еще рано задаваться какими-то вопросами, вы для этого пока слишком слабы. Сон и покой, покой и сон – вот ваша главная задача на ближайшее время... Вы меня понимаете, Иванов?

– Да, более чем, – вяло ответил он и разочарованно отвернулся к стене.

– Вот и прекрасно... Если все будет нормально, – с легким нажимом сказала Ирина Семеновна, – дней через десять мы вернемся к этому разговору...

– Обещаете? – не поворачивая головы, но с явной надеждой спросил Иванов.

– Обещаю, – не задумываясь, твердо ответила Ирина Семеновна.

И снова Ирина Семеновна опоздала забрать Мишутку из садика. На пять минут, но опоздала. А она и сама прекрасно знала, что такое – на пять минут задержаться после работы. На свой автобус или трамвай ты уже не попадаешь, а когда следующий – кто его знает, и – пошла, потянулась цепочка нелепых нестыковок и неувязок в хорошо продуманной тобою и отлаженной городской жизни...

– Извините, Роза Ахметовна, ради бога, извините, – целуя уже одетого Мишутку, повинулась Ирина Семеновна. – Непредвиденно задержали на работе.

– Конечно, я вас понимаю, – Роза Ахметовна свела к переносице широкие брови. – Но, наверное, есть отец, мог бы и он забрать...

– Отца у нас нет, Роза Ахметовна, родители в другом конце города живут, так что, – Ирина Семеновна улыбнулась и развела руки.

– Такая красивая женщина... А сколько приличных мужчин вокруг, – ответно улыбнулась воспитательница, закрывая Мишуткин шкафчик.

– Это – вам, – протянула плитку шоколада Ирина Семеновна. – И еще раз – извините.

– Ой, да зачем же вы тратитесь? – обрадовано заговорила Роза Ахметовна. – Разве я не понимаю... Ну, счастливо вам домой добраться. Миша, до свидания, – потрепала она Мишутку по руке.